

РАЗ РЫВ
ШАБ ЛОНА

МЕНЯ МОЮТ

ВОЛНУЮСЬ

ПОТЕЮ

ДМИТРИЙ РОМАНОФФ

Мозговой штурм

Дмитрий Романовф

Разрыв шаблона

«Автор»

2026

Романовф Д.

Разрыв шаблона / Д. Романовф — «Автор», 2026 — (Мозговой штурм)

Наша жизнь полна ловушек мышления разного уровня. Они возникают из-за страха, гордости, привычки или наивной веры, что «так надо». Мы живём и удивляемся, почему не можем изменить свою жизнь к лучшему. Только вот если шаблон разрывается, то жизнь человека оказывается под угрозой. Что же делать? Как быть? Расширяем сознание. Мыслим. Действуем!

Содержание

Пролог	5
«Ловушка фрилансера» Глава 1. Заказ	7
Глава 2. Осознание	9
Глава 3. Кринж	12
«Свободный художник» Глава 1. Шедевр	15
Глава 2. План	18
Глава 3. Успех	21
Глава 4. Свобода	24
«Йог» Глава 1. Ловушка мышления	27
Глава 2. Расширение сознания	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Разрыв шаблона

Пролог

Москва. Утро рабочего дня. Серое небо над головой. Вечно спешащие люди по своим делам. Молодой предприниматель в идеально отглаженном костюме с портфелем в руке выныривает из вестибюля метро на шумную улицу, спеша на презентацию своего инновационного стартапа на базе искусственного интеллекта для сельского хозяйства. В его голове крутятся цифры, отточенная до мелочей презентация и слайды с графиками роста. Сегодня он должен получить финансирование своего проекта: инвесторы приняли его заявку, и он стоит первым в очереди на получение гранта. Офис венчурного фонда располагается в двух кварталах отсюда. Предприниматель поправляет галстук, делает шаг и замирает.

Прислонившись к колонне, у выхода из метро сидит человек в драных джинсах, выцветшей футболке со счастливым лицом и горящими глазами. В руках он держит кусок картона, на котором написано кривыми буквами: «Помогите на еду. Рисую картины. Настоящее искусство не продаётся». Рядом с ним стоит картина «Вопль гречки» - глупость, абсурд, но есть в этом всё какаято глубина и правда жизни, которая цепляет его. Несмотря на чудаковатую одежду, художник выглядит как понастоящему счастливый человек, но его мольба о помощи — что это? Слабость? Поражение?

Какаято неведомая сила заставляет предпринимателя разобраться в этом вопросе, ведь сегодня ему нужны ответы на все самые неразрешимые вопросы жизни. Он двигатель прогресса и человек, находящийся на острие инновационных технологий, поэтому у него не может быть неразрешимых вопросов. Нельзя лгать инвесторам и самому себе. Только не сегодня! Собравшись с духом, он наклоняется к художнику и спрашивает:

— Извините, — говорит он чуть резче, чем ему хотелось бы, — почему вы здесь? Не можете найти работу? Художником ведь быть престижно: галереи, выставки, большие деньги, слава.

Художник поднимает голову, и в его глазах виднеются искорки без той затравленной тоски, которую предприниматель привык видеть в глазах попрошайек.

— Пройдённый этап, — говорит он. — Известность, галереи, выставки, заказы. Настоящее творчество и хомут на шее несовместимы. Я не могу работать по указке!

— Понимаю, но ты же мог бы Ну, совмещать? — Предприниматель чувствует, как внутри всё сжимается. В его понимании успех измеряется деньгами и общественным признанием, а тут человек осознанно выбирает нищету и попрошайничество.

— Ловушка, — усмехается художник. — Когда ты богат и знаменит, на тебе уже надет хомут. Любой твой шаг контролируется, и каждое слово под цензурой. Ты уже не творишь, а лишь обслуживаешь руководящий класс. Я выбираю жизнь нищего и свободного творца.

Предприниматель замирает, потому что его шаблон разрывается. Всю свою жизнь он карабкается вверх по социальной лестнице к славе и деньгам, а этот счастливый нищий художник только что вывернул его мир наизнанку. Внутри поднимается волна даже не гнева, а странного, болезненного облегчения и понимания того, что всё может быть по-другому.

— Я не призываю тебя бросать твой бизнес, — тут же добавляет художник, словно читая его мысли. — Наоборот, пробуй, дерзай, борись, созидай. Ценность осознания того, что я тебе сказал, лежит через упорный труд, боль и страдания. Пока ты не пройдёшь свой путь, то не сможешь осознать ценность настоящей свободы и ощутить вкус победы. Я пришёл к этому своим путём, а ты должен идти своей дорогой. И не забывай, что весь кайф — в процессе!

Предприниматель на секунду лишается дара речи. Его сердце сжимается от боли и тоски по чемуто утерянному в погоне за деньгами и славой. Ясность пронзает его сознание, возникает

всеобъемлющая любовь к нему, себе и всему человечеству. Момент истины! Озарение! Он засовывает руку в карман и вытаскивает оттуда всё, что там есть, смотрит на руку и видит пачку денег, вспоминая, что собирался дать её чиновнику на взятку для получения финансирования в обход комиссии.

— Кажется, я тебя понял, — говорит он дрожащим голосом, поднося руку к коробке. — Я слышал, что если хочешь помочь нищему, то нужно ему отдать всё, что у тебя есть в кармане, без сожаления. Тогда ты ему поможешь! Кажется, я понял, в чём смысл жизни, что душу творца невозможно купить. До этого можно только дойти, у каждого человека свой путь и весь кайф в процессе. — Он разжимает руку, и пачка денег глухо плюхается на дно коробки, стоящей перед художником. — Спасибо тебе, братан! Будь счастлив!

«Ловушка фрилансера» Глава 1. Заказ

Три часа ночи - это время, когда город затихает настолько, что слышно, как в соседней квартире тикает будильник. За стеной кто-то ходит в тапочках. Где-то далеко проезжает фура и гул её двигателя ещё долго разносится по комнате. Время, когда обычные люди спят, а те, кто не спят, начинают слышать то, чего не слышат другие.

Маленькая съёмная комната залита синим светом монитора, который освещает стол, заваленный пустыми банками из-под энергетиков. Они стоят плотными рядами подобно солдатам разбитой армии. В их алюминиевых боках отражается синее холодное безжизненное свечение. На стенах этот свет рисует причудливые тени, которые двигаются, когда Костя меняет положение за клавиатурой.

Спина затекла. Шея одеревенела. Пальцы, ещё недавно такие быстрые, теперь двигаются с трудом словно механизм, в который забыли залить масло. На мониторе виден графический редактор. Десятки слоёв и сотни идеально выверенных кривых, каждая из которых лежит на своём месте. Костя уже четырнадцатый раз двигает один пиксель. Маленькая точка на экране, которую никто кроме него не увидит. Даже другие дизайнеры её не разглядят, если не будут знать, куда смотреть. Но он не может это так оставить. Кернинг не идеален.

Расстояние между буквами в слове «Шаурма» на полпикселя больше, чем между «У» и «Р». Костя видит это. Никто другой не увидит, а он увидит всегда. Это словно заноза и напоминание о том, что настоящий дизайнер не позволит себе халтуры. Он передвигает букву ещё раз и проверяет. Теперь расстояние между «У» и «Р» стало идеальным, но между «А» и «У» уменьшилось. Он передвигает «У», потом «А» и снова «У». Увеличивает масштаб в тысячу раз, чтобы разглядеть каждый пиксель и микроскопический сдвиг. Рядом с окном графического редактора открыт чат с пожеланиями клиента. Костя прочитал их уже десять раз, но каждый раз слова отдавались болью в его воспалённом сознании:

«Ну что там? Уже третий день. Другая студия сделала бы всё за час».

Костя замирает. Его пальцы висят над клавиатурой, не решаясь нажать ни одной буквы. Он знает, что нужно ответить: «Готово, отправляю». Важно закрыть этот заказ, получить свои полторы тысячи и начать следующий. Но он не может этого сделать, потому что кернинг всё не идеален. Тень под буквой «М» на полтона темнее, чем нужно. Он не может отправить эту работу, зная, что она всё ещё не совершенна.

Он начинает печатать: «Финальная версия через десять минут». Стирает. «Я почти закончил». Опять стирает. «Хочу, чтобы всё было безупречно». Оставляет и наживает «Ввод». Сразу приходит ответ от клиента: «Мне просто для афиши на дверь. Вышли уже как есть».

Костя смотрит на экран и внутри него что-то сжимается. «Просто для афиши». Эти слова становятся для него пощёчиной. Не бывает «просто для афиши». Либо правильно, либо никак. Если не идеально, то не стоит даже начинать. Он так живёт и работает. Это единственное, что отличает его от тех, кто делает «просто для афиши».

Он отправляет файл, закрывает графический редактор, открывает почту и начинает писать сопроводительное письмо с объяснениями, почему он выбрал именно этот шрифт с обоснованием расстояния между буквами. На письмо уходит двадцать минут. Перечитывает. Исправляет три опечатки и отправляет. Через минуту приходит ответ: «Ок, скинул деньги». Костя открывает банковское приложение. Баланс пополнился на полторы тысячи рублей. Три дня работы. Четырнадцать правок. Двадцать минут объяснений. Бессонная ночь. Жёстка!

Костя закрывает приложение и открывает вкладку со своим портфолио. На сайте, который он делал год назад, висит всего пять его работ. Каждую из них он оттачивал до тех пор, пока она не начинала казаться ему достойной. Логотип для шаурмичной «У Хасана». Афиша для детского утренника в школе номер сто двадцать. Флаер для стоматологии «Здоровая улыбка».

Упаковка для пельменей «Сибирские» и дизайн меню для кафе «Уют», которое через месяц закрылось.

Он смотрит на эти работы и радуется, насколько они хороши. В них нет ни одной ошибки или случайной линии. Только вот это мелкие заказы. Дешёвка. Его не воспринимают всерьёз, потому что у него нет в портфолио крупных заказов. А чтобы получить крупный заказ, нужно солидное портфолио. Замкнутый круг.

Костя открывает ленту в соцсетях. Картинки. Лица. Новости. Реклама. И вдруг он замирает. Перед его глазами пост бывшего однокурсника. Того самого, который на втором курсе плагиатил чужие работы. Он сдавал проекты с ошибками, которые Костя исправлял за него, потому что не мог пропустить эту халтуру. Пост был выложен три часа назад, а под ним уже были десятки восторженных комментариев.

«Сделал ребрендинг для федеральной сети "Вкусный дом" за триста тысяч рублей. Спасибо команде за доверие!»

На фотографиях виднелись вывески, упаковка, меню и форма сотрудников. Всё в едином стиле, яркое, броское и безвкусное. Этот бездарь сделал очередной плагиат и ему заплатили триста тысяч. Какая боль...

Костя закрывает приложение и смотрит на часы. Четыре утра. Он тут же думает о пустом холодильнике в углу комнаты с просроченным кефиром, который он боится выбросить, потому что завтра может не хватить денег даже на него. Ещё раз смотрит на своё портфолио, где висят пять идеальных работ, за которые ему заплатили в сумме меньше, чем этот бездарь получил за один заказ.

Он закрывает ноутбук. Экран гаснет и комната погружается в темноту. Костя встаёт, подходит к кровати и падает лицом в подушку. В тишине, которая наступает после того, как затихает вентилятор ноутбука, он слышит своё дыхание. Потом он слышит свой внутренний голос:

— Я в ловушке!

Где-то далеко проезжает машина. Свет её фар на секунду скользит по потолку, освещая трещину, которую он заклеил скотчем год назад, но так и не заделал. Свет фар гаснет и комната снова погружается в темноту. Пустой холодильник. Гора пустых банок. Он лежит лицом в подушку и не может уснуть, потому что его гений не приносит ему ничего, кроме бессонницы.

Глава 2. Осознание

Утро. Костя лежит на кровати лицом в подушку. Свет прорезается сквозь занавеску. Он переверачивается на спину и щурился. Судя по тому, как луч падает на потолок, время уже около десяти дня. Какое-то время он лежит с закрытыми глазами, слушая, как за стеной кто-то включает телевизор и соседка гремит кастрюлями на кухне.

Он садится на кровать и свешивает ноги. Рядом, на тумбочке, лежит блокнот, в который он иногда записывает идеи. Костя берёт его и открывает на чистой странице. Потом закрывает. Снова открывает.

В кармане джинсов, которые он так и не снял, вдруг жужжит телефон. Костя достаёт его и смотрит на экран. Видеозвонок от Димы, с которым они учились на одном курсе и который потом ушёл в веб-разработку. Костя нажимает «ответить» и поворачивает телефон так, чтобы камера смотрела на него, а не на комнату с горами пустых банок.

— Кость, ты чего не спал? — голос Димы бодрый, как и должен быть у человека, который лёг в двенадцать, встал в восемь и уже успел выпить кофе, съесть нормальный завтрак и доехать до работы. — Опять логотип для пекарни до утра рисовал?

Костя хочет ответить что-то привычное типа: «да, работа» или «типа того», но так и не может сказать ни слова. Он смотрит на блокнот и свои руки, которые всё ещё дрожали от бессонной ночи и вдруг говорит:

— Слушай, я понял, что попал в ловушку!

Дима замолчал. На экране телефона его удивлённое и настороженное лицо:

— В какую ловушку? — спрашивает он осторожно.

Костя откидывается на подушку и прикрывает глаза. Слова выходят откуда-то из глубины, из того места, где он прятал правду, которую не хотел признавать даже сам перед собой:

— Чтобы брать дорогие заказы, нужно крутое портфолио. Чтобы сделать крутое портфолио, нужно время и силы. Поэтому, не стоит работать над дешёвыми заказами. Но чтобы не работать над дешёвыми заказами, нужно иметь деньги на жизнь, а у меня их нет. Я трачу свои ресурсы впустую и делаю логотип за полторы тысячи три дня, а потом смотрю на своё портфолио и вижу там всего пять работ за текущий год. Пять, Дим! При том, что я работаю по шестнадцать часов в сутки.

Он открывает глаза. Дима на экране смотрит на него. В его взгляде что-то, что Костя не может понять. Сочувствие? Понимание? Или то самое согласие с тем, что он безнадёжен?

— Ну так брось всё и сделай для портфолио пару выдуманных проектов, — говорит Дима деловым прагматичным голосом. — Нарисуй что-то для воображаемого бренда. Покажи всем, на что ты способен. Клиентам неважно, реальный проект или нет, им важно, чтобы было красиво.

Костя качает головой. Он уже много раз думал об этом и каждый раз находил причину, почему это не работает.

— Не могу. Выдуманное портфолио — это нечестно. Клиенты почувствуют фейк. У реального проекта должны быть не выдуманные задачи. Фейковый проект ничего не стоит. Нужны реальные кейсы с реальными задачами. Без них я останусь лишь парнем, который делает красивые картинки, но не умеет решать бизнес задачи.

Дима молчит. В трубке слышно как где-то на заднем фоне работает компьютер. Потом он говорит то, от чего Костя замирает:

— Тогда... сделай реальный кейс. Но не для клиента, а для себя. Найди какой-нибудь проект, который тебе самому интересен и сделай его бесплатно, но в полную силу. Не для денег, а для портфолио.

Костя открывает рот, чтобы сказать привычное: «Бесплатно? Я тогда с голоду подохну». Но молчит, потому что в голове вдруг что-то щёлкнуло словно переключатель.

— А ты сейчас не подымаешь? — спрашивает Дима режа правду матку, которую Костя носит в себе, но так и не решается осознать. — Работает по шестнадцать часов в сутки за копейки. Гречка на воде. Холодильник пустой. Ты уже подымаешь, Кость. Просто медленно.

Костя сидит какое-то время, не двигаясь. Его лицо медленно преобразуется. В красных от бессонницы глазах загорается огонь нового проекта и желание сделать его идеальным. Терять уже всё равно нечего.

— А что, если... — медленно начинает Костя и в голосе его появляется интонация, которая бывает у человека, который решается на безумный шаг, — Сделать проект, который взорвёт интернет. Потратить на него месяц, но сделать так, чтобы это было невозможно проигнорировать. Чтобы все сказали: «Это сделал настоящий профи».

Дима молчит. Друг разгоняется перед прыжком с обрыва, а он должен остановить его или крикнуть: «Лети!»

— Месяц без денег? — спрашивает Дима. — Как ты выживешь?

Костя встаёт с кровати и подходит к столу, открывает банковское приложение и видит баланс своего счёта, который составляет сорок тысяч рублей. Эти деньги он копил полгода, откладывая с каждой ничтожной оплаты и отказывая себе во всём, кроме гречки и энергетиков. Вся его подушка безопасности и страховка на случай «если что».

— Хватит на пару месяцев, — говорит он голосом человека, который больше не собирается отступать. — Если питаться гречкой с интервальным голоданием, то я сделаю это. Назову проект... — он молчит секунду и в его голове происходит озарение, которое приходит раз в жизни. — «Идеальный город».

Он закрывает ноутбук, а в его голове рождается план. Он не будет больше брать дешёвые заказы и не будет тратить дни на логотипы для шаурмичных с афишами для детских утренников. Он заморозит соцсети и откажется от всего, что отнимает время и силы. Только работа. Один проект. Он должен стать его пропуском в мир, где платят не полторы тысячи за три дня, а триста тысяч за один проект.

Его должны увидеть все. И тогда он получит то, чего заслуживает. Костя чувствует себя героем, который идёт на таран и знает, что может разбиться. Героизм опьяняет его сильнее, чем любой энергетик, потому что это не бегство от реальности, а настоящий вызов!

— Дружище, — говорит Дима шёпотом. — А ты уверен?

Костя не отвечает. Он завершает звонок, открывает список текущих пяти активных заказов, которые держали его на плаву, но не давали развиваться. Пять якорей, которые тянули его на дно. Он делает глубокий вдох. Пальцы ложатся на клавиатуру.

«Извините, я вынужден прекратить работу. Возвращаю предоплату».

Раз. Второй. Третий. Четвёртый. Пятый. Он нажимает «отправить» и замирает. Телефон жужжит через секунду. Потом снова. Ещё. Посыпались сообщения:

«Ты что, с ума сошёл?», «У меня завтра открытие!», «Я заплатил тебе предоплату!», «Куда мне теперь идти?», «Ты безответственный человек!», «Никогда больше не работаю с тобой!».

Телефон вибрирует и дёргается на столе. В этом бесконечном назойливом жужжании отражается всё то, от чего он хотел убежать. Страх, что он сделает ошибку и не справится. Костя берёт телефон в руку и нажимает кнопку выключения. Экран гаснет. Вибрация стихает. В комнате становится тихо. Остаются лишь он и его безумный план, который он только что запустил в действие.

Костя поворачивается к кухонному шкафчику и открывает его. Там лежат три пачки гречки. Это всё, что у него осталось. Он берёт одну и открывает. Ставит кипятить воду. Он смотрит на кипящую воду и ему кажется, что он смотрит на свою жизнь, которая бурлит и

готова выплеснуться наружу. Он достаёт телефон и включает снова. Сообщения всё ещё приходят, но он не открывает их. Блокнот. Новая заметка чистой странице:
«Идеальный город. Месяц. Понеслась».

Глава 3. Кринж

Шесть недель. Сорок два дня. Тысяча восемь часов, из которых он спал, может быть, триста, а остальные работал за столом, не отрывая глаз от монитора. Всё смешалось в один бесконечный день. Солнце вставало и садилось. За окном горели и гасли фонари. Соседи включали и выключали телевизор, а Костя всё сидел в одной и той же футболке, заросший, с красными глазами, которые уже не различали, где кончается экран и начинается реальность.

На столе больше не было банок из-под энергетика. Они кончились на второй неделе, а денег на новые не было. Вместо них он начал применять технику разгрузочно-диетической терапии, чередуя трёхдневное голодание на воде и трёхдневное питание гречкой.

Удивительно, но после трёх дней голодания, обычная гречка казалось настолько вкусной, что не было никакой необходимости в чём либо ещё. Не зря её называют суперфуд, ведь в ней есть все необходимые для полноценной жизни составляющие. Так рождался проект «Идеальный город». Сначала появились здания из сотен уникальных фасадов, каждый со своей историей.

Костя рисовал их ночами. Ему казалось, что он создаёт не просто иллюстрацию, а настоящий мир, в котором можно жить. Позже появились маленькие фигурки, которые двигались по этим улицам. Они спешили по делам, сидели на лавочках и разговаривали друг с другом. Костя придумывал им имена и характеры. Они были его детьми, соседями и друзьями. Единственными, кто был с ним эти сорок два дня.

Потом он сделал логотипы для каждого здания. Кафе. Магазины. Аптеки на углу. Школы. Костя выверял каждый шрифт. Он не спал трое суток, чтобы сделать улётный логотип для пекарни, которая в его городе была особенно важной. Потом он сделал пользовательский интерфейс для вымышленного приложения, которое позволяло жителям города ориентироваться в пространстве, находить нужные места и общаться друг с другом. Он продумал всё до мелочей и тестировал его на себе, нажимая на несуществующие кнопки. Он не выходил из комнаты, не отвечал на звонки и даже не открывал соцсети. Он был внутри города, который строил своими руками. Всё было так, как он хотел.

На сорок третий день Костя закончил. Он откинулся на стуле, и его спина, привыкшая к постоянному напряжению, не сразу разогнулась. Он посмотрел на экран, где в финальном окне был открыт его сайт с анимацией, которая запускалась, когда пользователь прокручивал страницу. Детальные кейс с описанием каждого этапа работы и принятым решением. Он смонтировал видео ролик в бесплатном редакторе, наложив на кадры города музыку. Проект готов. «Идеальный город».

Теперь мир должен был его увидеть. Костя открыл соцсети, сделал глубокий вдох и написал пост:

«Я отказался от всех заказов на два месяца, чтобы сделать то, на что я способен. Это моя визитная карточка. "Идеальный город" — это иллюстрированная экосистема из ста уникальных зданий, персонажей, логотипов и приложения. Я вложил в это всё, что умею и люблю. Дорогие заказчики, я открыт для сотрудничества».

Он прикрепил ссылку и нажал «опубликовать». Через час получил три лайка. Друг, мама и бот, который лайкал всё подряд. Костя обновил страницу. Три. Ещё раз. Три. Он закрыл соцсети и открыл снова. Всё равно три. Через день на странице стало уже двенадцать лайков, но ни одного репоста или комментария. Ни одного сообщения. Пусто. Тишина.

Костя сидит в темноте. За окном ночь. Он вспоминает тот день, когда решился на этот шаг. Иссякают последние крупницы надежды. Остаётся лишь пустота. Он потратил все сбережения и отказался от всех заказов. Полтора месяца каторжной работы, а его «шедевр» никто не

признаёт. В порыве эмоций, он открывает соцсеть и начинает писать комментарии под постами известных дизайнеров:

«Привет, я сделал крутой проект. Посмотрите, пожалуйста! Ссылка в профиле».

Ответа не последовало. Он написал ещё. И ещё. Начал писать личные сообщения всем, кого находил по релевантным хэштегам. Десятки сообщений. Сотни. Из них ответили двое.

Первый:

«Спасибо, не интересно».

Второй:

«Ты кто такой?»

Костя смотрел на экран и видел бездну, которая его затягивает. Он сделал идеальный проект и выложил его в сеть. Просил. Умолял. Унижался. И ничего...

Он закрыл ноутбук и упал на пол, привалившись спиной к кровати. В комнате темно. Лишь свет уличного фонаря пробивается сквозь неплотно зашторенное окно. Рядом лежит пачка начатой гречки. Он смотрит на эти крупинки и гречку, которая стала его единственной едой за последние недели, и ему кажется, что он сам та самая маленькая, никому не нужная крупинка, рассыпанная по столу жизни.

Вдруг, в этом отчаянии, его посещает мысль. Безумная. Абсурдная. Кринжовая. Он открывает ноутбук и заходит на сайт видеохостинга. Туда, где он никогда не был, потому что считал это пристанищем тех, кто делает «всякую чушь». Он включает камеру и смотрит на себя. Видит красные глаза и мятую футболку, которую не стирал уже месяц. Он улыбается и начинает запись:

— Я создал проект, который должен был изменить мою жизнь. «Идеальный город». Сто уникальных зданий, персонажи, логотипы, пользовательский интерфейс. Я работал над ним почти два месяца. Не спал и не ел. Вложил в проект всё, что у меня было, что я умею и люблю. И никто его не заметил...

Он замолчал, глядя в объектив. В его воспалённых глазах горело что-то, что можно было бы принять за безумие, но также это была та самая правда, которая не нуждается в украшениях.

— Поэтому, я делаю финальный шаг и выкладываю весь исходник в открытый доступ. Бесплатно. Скачивайте, используйте, учитесь. Настоящее искусство это то, чем делятся.

Он нажал «опубликовать». Видео ушло в ленту, где крутились миллионы других кринжовых видео. Через час у него было двести просмотров. Ничего! Костя лёг спать не раздеваясь. Он просто упал на кровать и провалился в темноту. Казалось, никакой надежды уже не было.

Утро. Костя проснулся потому, что телефон, который лежал рядом с подушкой, начал безостановочно вибрировать. Сначала он подумал, что это будильник, но потом увидел уведомления. Много. Сотни. Тысячи.

Он сел на кровати, не понимая, что происходит. Телефон дрожал в руке. На экране словно цунами неслись сообщения. Лайки. Репосты. Комментарии. Подписки. Костя открыл первое сообщение. Это был репост от популярного блогера-дизайнера, которого он когда-то пытался добавить в друзья, но тот не ответил. Блогер написал: «Парень выложил исходники своего проекта в открытый доступ. Это безумие. Но проект реально крутой. Посмотрите сами». Под постом висела ссылка на «Идеальный город».

Костя открыл сайт, который создавал с такой любовью и отчаянием. Счётчик посетителей рос на глазах. Сто. Тысяча. Десять тысяч. Он перешёл в свои соцсети. На него подписались сотни, тысячи, десятки тысяч людей. Сообщения сыпались, как из рога изобилия: «Можно купить у вас дизайн?», «Мы ищем арт-директора, вы нам подходите», «Сколько стоит кастомный проект под ключ?», «Это лучшее, что я видел в этом году», «Как вы это сделали?», «Научите меня».

Он открывал сообщения одно за другим, не веря своим глазам. Его проект был везде. В лентах, пабликах и новостях. Его называли «гением», «безумцем», «человеком, который сломал систему». Его поступок обсуждали и критиковали, но главное, что о нём говорили. Человек, который два месяца сидел в комнате, ел гречку и верил, что он победит.

Костя открыл сообщение от стартапа, о котором слышал много раз. Они делали приложение для планирования городов. Их логотип ему всё время казался уродливым. «Костя, нам нужен дизайн под ключ. Бюджет триста тысяч рублей. Когда сможете начать?»

Он смотрел на экран и слёзы текли по его щекам. Смех. Слёзы. Радость и отчаяние. Он вспомнил бессонные ночи и то, что пережил за эти два месяца. Он понял, что его идеальный проект не работал сам по себе. Всё это было никому не нужно, пока он боялся, что их украдут. Сработал не проект, а поступок через акт отчаянной кринжовой смелости. Он выложил всё, что у него есть и отдал это бесплатно. Перестал бояться. Украсть можно только то, что прячут, а то, чем делятся, становится твоим навсегда. Костя вытер слёзы и открыл ноутбук. Перед ним был список новых заказов. Он выбрал тот самый стартап с уродливым логотипом и написал: «Приступаю. Две недели». И тут же, не дожидаясь ответа, открыл графический редактор.

Теперь он работал иначе. Он не двигал каждый пиксель по четырнадцать раз, а быстро набрасывал, не боясь ошибок. Костя начал понимать, что идеальность — это то, что рождается в риске и движении. Важно перестать бояться. Нужно мыслить. Действовать. Он работал с неиссякаемой улыбкой на лице всю ночь. За окном светало. Костя смотрел на экран, где рождался новый проект и ему казалось, что он смотрит в своё будущее. Счастливое. Настоящее. Свободное.

«Свободный художник» Глава 1. Шедевр

Мастерская помещалась в бывшем цехе завода резинотехнических изделий, который обанкротился ещё в девяностых. Внутри пахло маслом, скипидаром и ещё какими-то остатками химии, въевшейся в стены за полвека. Этот запах не выветривался, даже когда окна открывали настежь. Он становился лишь на время слабее, но никогда не исчезал совсем, напоминая о том, что здесь когда-то делали что-то нужное, а теперь делают нечто, чему никто не знает цены.

Стены мастерской облезли. Краска, когда-то белая, отслаивалась хлопьями, обнажая штукатурку, а штукатурка кирпич. Казалось, что стены сами рассказывают историю своего медленного умирания. Пол заляпан краской всех цветов, какие только можно представить. За десять лет, что Коля снимал это помещение, он вылил на пол больше краски, чем на холсты. Теперь под ногами хрустело нечто, похожее на спёкшуюся корку, в которой можно было разглядеть очертания забытых шедевров.

Посередине мастерской, под единственным окном, выходящим на север, стояло полотно. Огромное. Два на три метра. На полотне нарисованы яркие безумные пятна. Они накладывались друг на друга и смешивались. Из самой глубины картины проглядывало что-то белое, почти прозрачное, что можно было бы принять за свет, если очень долго присматриваться.

Колян стоял перед полотном в футболке, которую когда-то давно перестал стирать, потому что на ней всё равно не было живого места. Краска настолько сильно въелась в ткань, что затвердела и превратила мягкий хлопок в подобие панциря. В руке у Коляна кисть, на которой засохла вся палитра последнего месяца. Он просто стоял и смотрел. Его худое лицо с острыми скулами и провалившимися щеками, сосредоточено до такой степени, что он забыл как дышать.

Он отступил на шаг. Прищурился. Наклонил голову вправо, влево. Потом, не двигаясь с места, медленно вытянул руку с кистью и поставил последний короткий, резкий, почти незаметный мазок, но без него всё было бы не тем.

Колян отбросил кисть. Она ударилась о пол, оставив на бетоне красную полосу. Он шагнул вперёд, обхватив полотно руками, и прижался к нему щекой. Ещё не высохшая краска прилипла к его скуле, оставив жёлтый отпечаток, похожий на клеймо. Он стоял так, закрыв глаза, и чувствовал, как в его груди пульсирует что-то великое.

— Это оно, — сказал он в пустоту глухим срывающимся голосом. — Шедевр. Я чувствую!

Он не обернулся, когда скрипнула дверь, потому что знал, это пришёл Дима. Он всегда приходил в это время после своей работы на студии звукозаписи, которая располагалась этажом ниже. Дима остановился у него за спиной и молча смотрел на полотно. Колян слышал спокойное дыхание человека, привыкшего ничему не удивляться.

— Красиво, — сказал наконец Дима. — Страшно только. Что это?

Колян оторвался от холста и повернулся. В его глазах, воспалённых от недосыпа и скипидара, горело то, что можно легко принять за вдохновение или начало безумия.

— Это боль мира, пропущенная через призму моего подсознания, — сказал он, и слова его прозвучали не как объяснение, а как приговор. — «Вопль гречки».

Дима хмыкнул. Не зло или насмешливо, а как человек, который слышит нечто, что не может оценить, но знает, что оценить это должен кто-то другой.

— Слушай, Колян, — сказал он, садясь на единственный табурет, не покрытый краской, — А когда ты её продашь? У тебя же денег нет. Завтра за мастерскую платить. Арендодатель сказал, что если ты не заплатишь до пятницы, то всё!

Колян замер. Он посмотрел на холст, а потом на Диму, потом снова на холст.

— Продать? — переспросил он, и в голосе его появилось что-то, похожее на обиду. — Это же шедевр! Его надо показывать в галерее. Третьяковка! Это должно висеть там, где люди платят деньги, чтобы смотреть на искусство, а не там, где... — он запнулся, не найдя слов.

— Чтобы показывать в галерее, нужно имя, — сказал Дима голосом, каким он говорил с музыкантами, когда они не понимали, что записывают не шедевр, а сырой материал, который нужно ещё свести. — А чтобы тебя знали, нужно уже показываться. Ты в ловушке, Колян. Как же ты собрался выставяться без имени?

Колян ответил не сразу. Он стоял перед холстом, и его руки, испачканные краской, висели вдоль тела. Он выпрямился, и в его глазах появилось то, что Дима видел в них много раз. Это та самая уверенность, граничащая с самонадеянностью, которая стала его проклятием и спасением одновременно.

— Мои картины говорят сами за себя, — сказал Колян. — Я отправлю фото в десять галерей и они сами найдут меня. Потому что настоящий талант должен пробиваться сам.

Он подошёл к столу, заваленному тюбиками, палитрами, пустыми банками из-под создателя, отодвинул гору мусора и достал старый ноутбук с треснувшим экраном, который склеил скотчем после того, как уронил его, когда писал одну из своих самых больших картин.

Колян открыл браузер и нашёл сайты галерей. «Галерея на Солянке». «Победа». «Триумф». «Эрарта». Он не разбирался кто там кураторы, какие направления поддерживают и принимают ли его форматы. Он просто открывал страницы, находил контакты и копировал электронные адреса.

«Здравствуйте, — напечатал он. — Меня зовут Коля. Я художник. Прилагаю фотографию своей последней работы, которая уверен, станет событием в мире современного искусства. Я готов предоставить работу для выставки. Жду ответа».

Он прикрепил фотографию, снятую на телефон с бликами от окна и нажал «отправить». Потом ещё раз. Ещё. И ещё. Он отправил двадцать писем во все галереи, адреса которых нашёл, даже не читая условий и не интересуясь, кто там куратор и что они вообще выставляют.

Колян закрыл ноутбук, откинулся на стуле и посмотрел на холст.

— Всё, — сказал он. — Теперь ждём.

Дима поднялся и похлопал его по плечу, но ничего не сказал. Лишь на пороге обернулся, глянув ещё раз на полотно, Колю и горы пустых пачек из-под гречки, которые громоздились в углу.

На следующее утро Коля проснулся раньше обычного. Спалось плохо. В голове вертелись мысли о письмах, галереях и всемирном признании. Он сел на раскладушку, которая стояла в углу мастерской, быстро натянул джинсы и открыл ноутбук. Почта загружалась медленно. Он ждал, глядя на экран, и его пальцы, ещё хранящие вчерашнюю краску, барабанили по столу дробь, которая становилась всё быстрее и быстрее.

Почта открылась. Два входящих письма. Коля замер. Два письма из двадцати. Он открыл первое. Спам. Какая-то рассылка про акционные предложения на краски, которую он когда-то активировал и забыл. Письмо второе пришло от галереи. «Уважаемый Коля!» — прочитал он, и сердце его забилось быстрее. — «Мы оцениваем качество ваших работ. Для рассмотрения необходимо внести организационный взнос тридцать тысяч рублей. После оплаты мы свяжемся с вами для обсуждения деталей».

Колян прочитал письмо дважды, а потом открыл банковское приложение на телефоне. Баланс четыреста семьдесят рублей. Он смотрел на экран и цифры плыли перед глазами. Они сливались, превращались в такие же яркие безумные пятна как на его картине. Колян поднял голову к облезлому потолку. Сквозь дыру в шифере пробивался солнечный луч и падал прямо на него.

Он закричал. Не проклятия, а просто издал звук, который вырвался у него из груди и наполнил мастерскую хоть чем-то, что держало его в этом пространстве, где он был гением, у которого было всего четыреста семьдесят рублей на счету.

— Я гений, — закричал он и голос его сорвался. — Они хотят с меня деньги! Позорище!

Колян смотрел на картину, которая стояла посреди комнаты. Огромная. Безумная. В её ярких пятнах ему вдруг почудилось что-то насмешливое. Шедевр. Но он не может заплатить за мастерскую. Этот шедевр не может накормить человека, который его создал. Нонсенс!

Он закрыл ноутбук и подошёл к полотну. Протянул руку и коснулся ещё влажного мазка, который оставил вчера. Краска прилипла к пальцу и он посмотрел на неё. Ему вдруг показалось, что это единственное, что у него осталось за душой.

Глава 2. План

Мастерская днём выглядела иначе, чем ночью. Ночью её спасал полумрак. Он скрадывал облезлые стены, прятал горы мусора в углах и превращал трещины в полу в загадочные карты неведомых земель. Днём же, когда свет проникал в помещение, вся нагота этой жизни выступала наружу, и не было места, куда можно было спрятаться от жестокой реальности.

Колян сидел на полу. Вокруг него стояли пустые банки из-под краски. Акрил. Масло. Всё смешалось в общую кучу. Казалось, что банки сами собой выстроились в круг, очерчивая территорию его поражения. На коленях у него лежала последняя пачка гречки. Он держал её в руках, но не смел открыть. Просто держал словно талисман, который уже не помогает, но выбросить жалко. Взгляд его устремлён туда, где у стены стоит его картина «Вопль гречки». Шедевр, который который не может накормить своего создателя.

Дверь скрипнула. В мастерскую вошёл Дима. В руках у него большая картонная коробка с логотипом пиццерии на боку. Запах горячего теста, сыра и томатного соуса заполнил мастерскую и напомнил о том, что есть ещё мир, где люди едят не только гречку, но и пиццу.

Дима поставил коробку на единственный чистый угол стола и открыл крышку. Огромная пицца с толстым слоем сыра, сочными помидорами и базиликом. Вот она жизнь, которой у Коли уже давно нет.

— Утощайся, — сказал Дима, присаживаясь на табурет рядом. — Жалко тебя. Тебе уже наверное гречка в рот не лезет.

Колян не пошевелился. Он сидел на полу, сжимая пачку гречки, и смотрел в одну точку. Бледное лицо. Воспалённые глаза. Но в них, сквозь усталость и голод, пробилось что-то, что заставило Диму отложить кусок пиццы, который он уже взял было.

— Коль, ты чего? — спросил он, и в голосе его появилась тревога. — Забросил писать? У тебя ж кисть обычно из рук не забрать. А сейчас сидишь, как истукан.

Коля медленно повернул голову и посмотрел на Диму так, что тот невольно отодвинулся на табурете.

— Я понял, — сказал Коля глухим голосом словно из бочки. В этой глухоте чувствовалась какая-то странная ясность. — Моя ловушка в том, что я жду, пока галереи меня заметят, а они не замечают, потому что я никто. У меня нет имени и денег, чтобы заплатить «организационный взнос». Для них я пустое место. Всего лишь цифра в статистике непрочитанных писем.

Дима молчал. Он знал это давно, но не говорил, потому что Колян не мог принять жестокую реальность.

— Если я стану известным, — продолжил Коля и его голос набрал силу, — Обо мне заговорят! Моё лицо увидят тысячи! Тогда они сами прибегут. Все без исключения. Только вот как стать известным без денег и галереи?

Он вскочил. Пачка гречки упала на пол и рассыпалась. Зёрна покатались по заляпанному краской бетону и забились в трещины. Коле было всё равно. Он стоял посреди мастерской и его дрожащие руки тянулись к потолку, как будто он хотел схватить невидимую нить, которая связывала его с тем, что он искал.

Дима смотрел на него со страхом в глазах. Он видел этот блеск в глазах художника и раньше. Происходило это перед ночными марафонами и тем, как Колян выбрасывал в окно недописанную картину. После этого он начинал новую, уверенный, что ну уж теперь то точно будет шедевр.

— Э-э-э... — сказал Дима, не зная, что сказать. — Нужно что-нибудь вирусное. Сейчас все так делают. Выставить картину на улице или устроить авторский перформанс. Нужно что-то такое, что заставит людей снимать твои картины на телефоны и делиться с друзьями.

Колян замер. Руки опустились. Он посмотрел на Диму и в его глазах, ещё минуту назад безумных, вдруг проявилась такая ясность, что Диме стало не по себе.

— Перформанс, — повторил Коля, осознавая смысл слова. — Конечно! Я буду рисовать прямо на улице. Я выйду туда, где тусуются люди. Они увидят, как рождается шедевр в прямом эфире. Я буду кричать, что я гений. Пусть снимают и выкладывают. Главное, чтобы меня заметили.

Дима встал. Он подошёл к Коле и положил ему руку на плечо.

— Коль, — сказал Дима, и голос его был тихим, но настойчивым. — Это же кринж. Ты понимаешь? Ты выйдешь на улицу с холстом два на три, встанешь посреди тротуара и начнёшь малевать свои пятна. Люди будут проходить мимо, смеяться, снимать и выкладывать в сеть. Это будет не «гениальный художник», а «очередной чудак». Тебя заберёт полиция и упакует в психушку.

Коля посмотрел на него и улыбнулся такой улыбкой, что Дима тут же убрал руку.

— Кринж — это хайп, — сказал Колян. — А хайп — это известность. Галереи. Признание. Бабло. Я сделаю это.

Он вырвался из рук Димы и побежал к стене, где стояли холсты. Схватил самый большой холст два на три метра и вытащил его на середину мастерской. После этого схватил старый складной мольберт и начал собирать краски. Тюбики летели в рюкзак, падали, катились по полу, но Колян подбирал их и рассовывал в карманы.

Дима стоял у двери и смотрел. Он не знал, что делать. Остановить его или помочь? В итоге, решил ему не мешать. Будь что будет!

Тверская улица в полдень. Люди бегут туда и обратно, и в этом движении невозможно различить лиц людей. Город живёт своей жизнью. Машины стоят в пробках и ряды с ними уходят далеко вдаль. Выхлопные газы смешиваются с запахом шаурмы и пота. Вот он городской воздух. Дышать нечем, но все дышат.

Коля появился у выхода из метро «Тверская» с огромным холстом под мышкой. Он выпирал вперёд и назад, задевая прохожих. Они оборачивались сначала злые, а потом удивлённые и даже смеющиеся. Мольберт он тащил за собой на верёвке. Ножки мольберта скрежетали по асфальту, оставляя царапины. Он выбрал место у самой стены здания, где тротуар пошире, а поток людей чуть меньше.

Поставил мольберт. На него холст. Открыл рюкзак, достал краски, кисти, растворитель. Всё это Колян разложил на асфальте, прямо под ногами прохожих, которые перешагивали через тюбики, не обращая никакого внимания. Потом он достал табличку, которую написал фломастером на куске картона. Надпись на табличке: «Гениальный художник пишет шедевр. Картину можно приобрести за 1 миллион рублей. Торг уместен».

Он повесил табличку на мольберт, отступил на шаг, и ещё раз посмотрел на холст. После чего взял самую большую кисть, макнул её в синюю краску и провёл первую линию. Синяя полоса легла на белый грунт. Коля отступил, посмотрел, макнул кисть в красную краску и провёл вторую линию. Потом жёлтую и чёрную. Линии рождались под его рукой, накрадываясь друг на друга, и в этом хаосе начинала проступать та самая боль, пропущенная через призму его подсознания, которую он так хотел показать миру.

Прохожие замедляли шаг. Кто-то смеялся, другие качали головой. Один человек достал телефон и начал снимать. Коля не обращал на них никакого внимания. Он писал. Быстро. Жадно. Словно от этого зависела его жизнь. Что, в общем-то, и было правдой.

— Братан, — сказал мужчина в деловом костюме, остановившись у мольберта. Он посмотрел на холст, на котором ещё нельзя было разобрать ничего, кроме пятен, а потом на Колю. — Иди домой, пока ментов не вызвали.

Коля не ответил. Он макнул кисть в жёлтое, провёл полосу, перекрывающую синее, и улыбнулся. Мужчина пожал плечами, достал телефон, набрал что-то, но звонить не стал. Он отвернулся и пошёл дальше по своим делам, растворяясь в толпе.

Прошло двадцать минут. Коля работал, не останавливаясь. Вокруг него собралось пятнадцать человек. Они смотрели, снимали на телефон и перешёптывались. Кто-то говорил, что это искусство, другие возражали, что это позорище. Кто-то просто ждал, чем кончится этот спектакль. Коля слышал их, но не слушал. Он весь в работе и внутри той боли, которую хочет выплеснуть наружу.

— Здесь нельзя торговать без разрешения, — послышался вежливый голос, в котором чувствовалась непреклонность, не терпящая возражений.

Коля поднял голову. Перед ним стоял молодой полицейский в форме с усталым лицом.

— Я не торгую, — сказал Коля. Кисть его замерла в воздухе. — Я творю!

Полицейский посмотрел на табличку, на которой было написано про миллион рублей, а потом снова на Колю.

— Табличка говорит об обратном, — сказал он. — Уберите мольберт. Здесь не место для творчества.

Коля опустил кисть. Он посмотрел на то, что успел сделать. Яркие безумные линии кричали. Но никто, кроме него, не слышал их крика.

— Я не уберу, — сказал он. — Имею право рисовать. Это моя свобода самовыражения. Искусство!

Полицейский вздохнул. Он был молод, но устал так, как будто проработал в полиции лет тридцать.

— Уважаемый, — сказал он, и в голосе его появилась та самая вежливая твёрдость, которая означает, что сейчас последует приказ. — Я прошу вас убрать мольберт. Если вы не убедите, я буду вынужден составить протокол.

Коля стоял, сжимая кисть. Бледное лицо. Горящие глаза. И что-то по-детски беспомощное.

— Я гений! — крикнул он, и голос его сорвался. — Вы не понимаете! Это шедевр! Он стоит миллион!

Толпа за его спиной зашептала. Кто-то достал телефон и начал снимать с улыбкой на лице. Другие качали головой. Полицейский подошёл ближе, взял мольберт за ножку и попытался сложить. Коля рванулся к нему, схватив за руку.

— Не трогайте! — закричал он. — Это моё!

Началась перепалка. Коля не отпускал мольберт, а полицейский пытался его оттащить. Толпа гудела. Крики. Смех. Вспышки камер. Всё сливалось в один бессмысленный шум, в котором голос художника пытался сказать, что он гений, а его шедевр стоит миллион.

Через десять минут Коля сидел на бордюре. Сложенный мольберт стоял рядом. Перепачканный холст лежал на асфальте. На его поверхности отпечатались следы ботинок. Полицейский ушёл, сказав, что в следующий раз будет протокол и штраф. Толпа разошлась, оставив после себя только окурки и обёртки от мороженого.

Коля сидел и смотрел на холст. В кармане зажужжал телефон. Он достал его, посмотрел на экран. Дима прислал ссылку. Коля открыл видео, на котором он кричит: «Я гений!». Оно набирало просмотры. Тысячи. Десятки тысяч. Комментарии сыпались один за другим: «Чудак», «Снимите этого гения», «Кринж века».

Коля смотрел на экран. Губы его беззвучно шевелились. Он хотел сказать что-то важное, но не мог. Он поднял голову и посмотрел на серое небо. Потом встал, собрал мольберт, свернул холст, закинул рюкзак за плечи и пошёл прочь. Он шёл по улице и в его голове уже рождался новый безумный план. Сегодня он понял, что недостаточно быть гением. Твоё безумие должно быть кому-то нужным. А нужным оно становится только тогда, когда его замечают.

Глава 3. Успех

Арбат. Коля стоит с холстом на пешеходной улице, где толпа идёт сплошным потоком. Он пишет, размахивая кистью, как дирижёр, который потерял оркестр. К нему подходят двое в форме и вежливо объясняют, что здесь нельзя. Он не слушает и продолжает писать. Они берут его под локти и отводят в сторону. Холст падает на брусчатку, краска растекается по камням. Прохожие перешагивают через неё, как через лужу.

Патриаршие пруды. Коля стоит у воды и перед ним уже знакомые безумные линии. Он пишет не замечая, что вокруг него медленно собирается толпа. Кто-то смеётся и снимает на телефон, а другие кричат: «Давай, гений, покажи им всем!» Подходит полицейский и говорит: «Уходи, пока не оформили». Коля не уходит. Полицейский вызывает подмогу. Через полчаса Коля сидит в отделении и пишет объяснительную. В соцсетях уже выложено видео, на котором он кричит: «Искусство требует жертв!»

Парк Горького. Коля разворачивает холст прямо у центрального входа на газоне, где табличка запрещает ходить. Он начинает писать свою картину и его окружает охрана парка. Полиция. Зеваки. Кто-то кричит: «Это наш местный гений!», другие: «Заберите психа отсюда!» Коля их не слышит. Он смотрит на холст, и в его глазах та самая одержимость, которая возникает у него в мастерской, когда он создаёт шедевр вроде «Вопля гречки». Вокруг него шум, толпа и камеры. Здесь его искусство становится спектаклем. Или настоящим искусством, потому что его видят? Коля не знает. Он просто пишет.

Видео набирают просмотры. Тысячи. Десятки тысяч. Сотни тысяч. Комментарии сыплются словно из рога изобилия: «Чудак», «Снимите этого сумасшедшего», «Гений или идиот?», «Кринж века», «А может, он правда гений?» Коля становится мемом. Перепачканное краской лицо с горящими глазами, появляется в социальных сетях и лентах новостей. Его называют «тверской безумец», «арбатский экспрессионист» и «гений с мольбертом». Он становится известным. Но известность эта похожа на славу уличного музыканта, которого снимают на видео, лайкают, а потом забывают, как только появляется новый герой.

Коля смотрит на эти видео, комментарии и в его голове зреет новый план. Он не решался сделать раньше, но теперь готов переступить все границы. Открытие галереи «Триумф» на Большой Якиманке было событием, о котором говорили за неделю. В галерее выставлялся молодой, но уже раскрученный художник, чьи работы продавались на аукционах за суммы, которые Коля не мог себе даже представить. Кураторы. Критики. Коллекционеры. Владельцы других галерей. Они стоят с бокалами дорогого шампанского и говорят о трендах. Особая атмосфера, где искусство превращается в товар, но все делают вид, что это не так.

Коля вошёл через главный вход. На нём та же футболка, перепачканная краской и джинсы, которые он не стирал уже месяц. В руках он несёт рулон чистый холста два на три метра. За спиной висит рюкзак, полный тюбиков и кистей. Охранник у входа хочет его остановить, но Коля влился в толпу и охранник потерял его из виду. Коля двигается между гостями и они расступаются перед ним будто перед прокажённым. Кто-то делает это с отвращением, другие с любопытством. Один из них узнал его: «Это тот самый чудик с Тверской», — прошептал он и шёпот пошёл по залу, обгоняя Колю.

Он вышел в центр выставочного зала, где под софитами висели картины. Коля развернул свой огромный холст, который лёг прямо на паркет, закрыв собой квадрат светлого дерева, на котором минуту назад стояли гости с бокалами. Без тени сомнений Колян открыл рюкзак, достал краски и начал писать. Линии ложились на белый грунт быстро как в тот день на Тверской. Перед ним стояли те, кто решает судьбу искусства. И он писал для них.

— Искусство должно быть свободным! — закричал он.

Голос прозвучал его в тишине настолько громко, что кто-то из гостей выронил бокал. Толпа замерла. Кто-то смеялся, другие побежали звать охрану. Кураторы начали переглядываться. Критик наморщил нос. Коллекционеры смотрели на линии, расплзающиеся по холсту, и уже прикидывали, сколько это может стоить, если подать это как новый тренд.

Охрана подросла быстро. Двое крепких парней в чёрном взяли Колю под руки и оторвали от холста. Он вырывался и кричал о том, что искусство не может быть загнано в угол. Оно должно быть везде и по всюду в свободных формах. Колю вывели из галереи, но журналисты успели снять всё на видео. Перепачканное лицо Толяна разлетелось по всему интернету.

На следующий день заголовки пестрели: «Художник устроил провокацию в галерее», «Гений или сумасшедший?», «Очередной клиент психиатрической клиники?» Видео разлетелось по соцсетям быстрее с ещё большим охватом, чем его уличные выступления. На этот раз он вторгся туда, куда вход закрыт для таких, как он и он разрушил эту стену своим творческим порывом.

Колян сидел в мастерской и смотрел на экран ноутбука, где цифры просмотров росли с каждой минутой. Он не знал, радоваться ему или плакать. Он хотел признания и получил его. Только вот признание это больше похоже на признание клоуна, а не художника. Через три дня ему пришло письмо:

«Уважаемый Коля! Меня зовут Андрей Вольский. Я куратор. Ваша наглость впечатляет. Приходите на интервью».

Коля перечитал письмо пять раз и сразу же позвонил Диме. Тот не брал трубку. Он быстро собрался, надел единственную чистую футболку и поехал на встречу. Куратором оказался молодой человек сорока лет отроду в очках без оправы с аккуратно подстриженной бородкой. Он сидел в маленьком кабинете на Чистых прудах и пил эспрессо. Как только Колян вошёл, куратор посмотрел на него как смотрят на интересный экспонат, который ещё не решили, стоит покупать или нет и сказал:

— Ваша выходка в галерее эффектная! Вы понимаете, что это не искусство в привычном смысле? Перформанс. Акция. Провокация. И она удалась на славу. О вас говорят все кому не лень. Ненавидят. Любят. Главное, что не игнорируют!

Коля сидел на стуле, сжимая в руках рюкзак.

— Я художник, — сказал он. — И пишу не перформансы или провокации, а картины.

Куратор вежливо улыбнулся. Чувствовалась та особая снисходительность, которую Коля уже научился распознавать.

— Я знаю. Видел ваши работы, что вы присылали в галереи. И знаете что? Они неплохи. В них есть энергия и то настоящее безумие, что можно назвать авторским голосом. Их никто не хотел смотреть, потому что у вас не было имени. Теперь оно у вас есть и я хочу предложить вам небольшую выставку. Вы согласны? Коля согласился.

Выставка проходила в подвале на Курской, где когда-то был склад. Пространство с облезлыми стенами и бетонным полом, который напоминал его свою мастерскую. Коля выставил десять своих работ. Это всё, что у него было, включая «Вопль гречки». На открытие пришло двадцать человек. Друзья. Знакомые. Пара журналистов, которые сняли сюжет для канала о творческих талантах города. Ни одной картины не продали.

Куратор сдержал слово и написал статью в журнал, где назвал Колю «восходящей звездой уличного экспрессионизма» и «голосом поколения, которое потеряло веру в галереи». Статья сработала. Уже через месяц Коле позвонил владелец одной частной галереи в центре.

— Я видел ваши работы. Хочу организовать персональную выставку. Оплачу всё, но нужно двадцать новых работ за два месяца. Понимаете, нам нужны картины под тренды. Я пришлю Вам эскизы и примеры современных веяний в искусстве. Вы ведь справитесь?

Колян стоял посреди мастерской и сжимал телефон. Его рука дрожала. Он посмотрел на стены и пустые банки из-под краски. Куратор дал ему аванс двести тысяч рублей. Деньги лежали в кармане и он чувствовал их.

— Справлюсь, — сказал он уверенным голосом.

Мастерская. Впервые в жизни у Коляна появились деньги и признание. Галерея. Коллекционеры. То самое, о чём он так долго мечтал, когда писал свои картины ночами. Всё сбылось. Стал ли он счастлив? Нет! Что-то мешало ему, но он пока не мог понять, что именно. Быстро появилась тоска, которая пришла на смену голоду. Пустота открыла места, которые раньше занимала боль. Там, где раньше бился неиссякаемый источник энергии, стало вдруг тихо и... страшно.

Колян встал рано утром и пошёл купить самые дорогие краски, какие только нашёл в магазине. Разложил их на столе и рядом поставил новые холсты. Мастерская преобразилась. Он убрал мусор и вымыл пол. Светло. Чисто. Пахнет свежей краской. Он сел перед холстом, взял в руки кисть и провёл первую линию. Не то. Отступил на шаг и посмотрел ещё раз. Правильная ровная линия, но не его стиль! Он не чувствует вызова. Линия просто лежит на холсте мёртвая. Колян сменил кисть и макнул в синюю краску. Провёл широкую полосу. Вообще, не то! Опять всё как-то слишком правильно.

Колян сменил музыку в надежде, что это поможет. Включил ту самую музыку, что слушал, когда писал картины раньше по ночам. Громкую. Рваную. Она разрушала тишину и заставляла его кисть двигаться быстрее. Музыка гремела. Стены дрожали. Колян стоял перед холстом и не мог сделать ни одного движения. Тупик.

Он вспомнил, как работал раньше по ночам впроголодь на одной гречке с пустыми банками из-под краски, которые валялись на полу. Руки дрожали от голода и бессонницы. Глаза горели. Внутри билось что-то такое, что не давало спастись по ночам, пока он не выплеснет это на холст.

Тогда у него не было ни денег ни признания. Лишь этот внутренний огонь, который жёг его день и ночь. И он писал, потому что не мог не писать. А теперь у него были деньги и признание. На нём висел заказ на двадцать картин, но он не мог написать даже одной. Парадокс! Колян так и сидел перед чистым холстом до вечера, а потом резко встал, взял в руки телефон и набрал номер Димы.

— Димон, — сказал он голосом человека, который потерял что-то важное в жизни. — Я не могу. У меня теперь есть деньги и признание, а я не могу написать ни одной линии. Всё не то. Что со мной?

Димон долго молчал, а потом сказал то, что Коля не хотел слышать, но о чём уже сам догадывался:

— Может, ты можешь творить только когда нищий? Боль и отчаяние твоё настоящее искусство, а когда появились деньги и признание, то твой гений умер. Гению теперь больше нечего доказывать...

Колян опустил телефон. Слова Димы оказались ушатом холодной воды. Он посмотрел на чистый холст, а потом на свои руки. Всё верно. Он не чувствовал той одержимости, которая вела его раньше. Коля вспомнил, как писал «Вопль гречки». Тогда он был голоден и у него не было денег даже на пачку гречки. Вот крик и стал его картиной.

Теперь же он сыт и у него есть деньги. Больше не о чем кричать. Вокруг лишь тишина, в которой нет места искусству. Он опустился на колени перед холстом и долго смотрел на него, пока за окном не стемнело. Мастерская погрузилась в темноту, которая когда-то была его союзницей, а теперь стала его тюрьмой.

Глава 4. Свобода

Мастерская Коляна. Пустые холсты стоят вдоль стен, прислонённые друг к другу словно надгробные плиты. Двадцать штук. Их ровно столько, сколько нужно сдать через две недели. Девственно чистые. Ни одного мазка. Грунт на холсте высох и потрескался. Он наносил его ещё в те дни, когда верил в себя. Полотно покрылось тонкой сетью паутины и теперь эти трещины кажутся единственным возможным рисунком.

Посреди комнаты на полу сидит Колян, поджав под себя ноги. Его руки лежат на коленях неподвижно. На столе стоит тарелка с недоеденной гречкой. Теперь он может позволить себе есть гречку каждый день и даже не самую дешёвую. Приготовленная греча остыла и затвердела. Коля смотрит на неё и ему кажется, что это отождествление его остывшей и затвердевшей жизни.

Звонит телефон. Коля не сразу поднимает его. Он знает, кто звонит и уже догадывается про что будет разговор.

— Коля, привет, — бодрый голос куратора, в котором чувствуется лёгкое беспокойство. — Как дела? Ждём работы. Через две недели открытие. Каталог ушёл в печать, но нам нужны фото картин. Ты ведь пишешь?

Коля молчит и смотрит на пустые холсты. Голос куратора звучит откуда-то издалека словно радио, которое работает в соседней комнате.

— Коля? Ты здесь?

— Я не могу, — говорит Коля безжизненным голосом. — У меня нет вдохновения.

Куратор молчит мгновенье, а потом говорит отеческим голосом:

— Коля, это бывает. Возьми аванс, купи новые краски или съезди куда-нибудь. Расслабься. Вдохновение придёт. Оно всегда приходит.

— Я уже всё потратил, — жалуется Коля. — Купил себе еду. Заплатил за мастерскую. Новый телефон. Я стал обычным человеком и у меня есть всё, что нужно, но я не могу писать.

Он молчит. Куратор тоже.

— Коля, — говорит куратор после паузы. — Ты понимаешь, что если ты не сдашь работы, мы потеряем контракт? Галерея уже продала билеты на открытие. Каталог уже в типографии.

— Я знаю, — отвечает Колян и бросает трубку. — Прости...

Три дня он не выходил из мастерской, не ел и не пил. Колян сидел перед пустым холстом и смотрел на него и в этом безмолвном диалоге не было победителя. Он брал кисть, подносил к холсту, замирал и опускал руку. Потом снова. И ещё. Каждый раз его рука наливалась тяжестью и он не знал, что делать. Как будто он забыл тот язык, на котором разговаривал раньше, когда голод и бессонница вели его в творческом процессе.

На четвёртый день он поднялся, подошёл к столу, открыл ноутбук и написал письмо куратору: «Я возвращаю аванс. От выставки отказываюсь. Извините». Колян перевёл остатки денег. Двести тысяч рублей ушли из его жизни так же быстро, как пришли. Осталось четыреста семьдесят рублей. Он смотрел на эти цифры и они казались ему родными. Бедность вернулась к нему словно пёс, ждущий у порога. Потом он открыл соцсети и написал длинный пост:

«Я отказываюсь от славы и денег. Настоящее искусство рождается лишь в нищете. Когда я был голоден и у меня не было денег на краски, я писал на чём попало и чем попало. Мои картины кричали. Жизнь как она есть. Боль. Отчаяние. Борьба. Когда же у меня появились деньги, я тут же перестал быть собой. Мой крик стал тишиной. Я хочу быть тем, кем всегда был. Голодным. Нищим. Безумным творцом. Прощайте, галереи. До свидания, критики. Я возвращаюсь в промзону, где я могу быть собой».

Он нажал «опубликовать». И закрыл ноутбук. Пост разлетелся быстрее, чем любое его уличное видео. К утру его перепостили все, кого он знал и кого не знал. Комментарии сыпались градом: «Гений!», «Идиот!», «Он прав, искусство не продаётся!», «Он просто не смог, вот и придумал оправдание», «Принц голодного искусства», «Новый герой нашего времени».

Критики писали статьи, где называли его поступок «актом высшего художественного мужества», «отказом от системы» и «возвращением к истокам». Галереи, которые ещё вчера ждали его выставки, теперь звонили и предлагали новые проекты. Они хотели его ещё больше, чем раньше, потому что теперь он был не просто художником, а великомучеником. Символ. Святой, который отказался от богатства ради искусства.

Коля не отвечал на звонки. Он собрал вещи и оставил всё в мастерской. Взял с собой только старый рюкзак и те кисти, что были с ним в самые голодные дни.

Общежитие на окраине. Тонкие стены. Громкие соседи. Комната восемь метров с окном во двор, где всегда сушится бельё и играют дети. Он поставил в угол старый стол, на который положил кусок картона. Не холст, а картон. Тот самый, на котором он писал, когда не было денег на нормальную основу. Колян разложил старые краски и взял в руки кисть, которую помнила его рука.

И, о чудо! К нему вернулось вдохновение. Он писал ночами, когда за стеной стихал телевизор и дети засыпали. Весь мир вокруг замирал и оставался только он, картон и краски. Коля писал жадно, как и раньше. Линии ложились на картон, смешиваясь в причудливые формы. Боль. Голод. Отчаяние. Вернулся к жизни тот, кто потерялся в чистой мастерской с новыми холстами.

Колян писал до утра, потом спал несколько часов, и снова брался за работу. Он не ел и не выходил на улицу, но был в этом по настоящему счастлив. Так, как может быть счастлив человек, который нашёл то, что потерял.

— Я понял одну вещь, — произнёс Колян спокойным голосом. — Моя ловушка была не в том, что меня не замечали. Она была в том, что я мечтал о том, чтобы меня заметили. А когда заметили, то я перестал быть собой. Мой гений родился из голода и боли того, что я не мог купить даже нормальные краски.

Он замолчал и провёл рукой по картону, который лежал рядом. Краска ещё не высохла и подушечки пальцев оставили на ней след.

— Теперь я снова нищий, — продолжил он с улыбкой на лице. — У меня нет денег на галерею, но есть картины. Может быть, я завтра умру под забором, но счастливым. Настоящий художник — это не тот, у кого выставка в центре а тот, кто не может не рисовать, даже когда у него нет бумаги.

Он посмотрел на свои руки, перепачканные краской.

— И знаете что? Я не советую вам это повторять. Глупо. Больно. Страшно. Только для меня это единственный способ жить дальше и созидать.

Колян усмехнулся и взял в руки кисть. Он макнул её в жёлтую краску и провёл широкую полосу на стене прямо на облупившейся штукатурке. Потом посмотрел на эту полосу, наклонил голову и прищурился.

— Оно, — сказал он шёпотом в пустоту. — Шедевр!

На следующий день утром Коля вышел на улицу в футболке, перепачканная краской. В руках он держал большой кусок картона, на котором было написано фломастером: «Помогите свободному художнику на краски и еду».

Он встал с картонкой у выхода из метро. Прохожие шли мимо. Кто-то смеялся и качал головой, другие доставали телефон и фотографировали. Его узнавали. «Это тот самый чудик, что отказался от выставки», — шептались люди. «Голодный гений», — говорили другие. «Сумасшедший», — добавляли третьи.

Коля стоял и улыбался. Он не смотрел на прохожих и не думал об очередном кураторе, который хочет сделать из него товар. Он смотрел в небо и улыбался, потому что знал, что дома в тесной комнате его ждут картины. Крик. Боль. Настоящая жизнь. И это всё, что ему нужно.

Прохожие смеялись и фотографировали. Кто-то бросил в картонку монетку, а одна дамочка положила рядом с ним пакет с гречкой. Коля лишь улыбнулся в ответ счастливым лицом человека, который нашёл то, что искал. Такова цена за жизнь, которую он никогда не сможет прожить как все. Он так и стоял словно памятник самому себе. Картонка в его руках качалась на ветру.

Голодный гений никогда не станет сытым, иначе он перестанет быть гением. Такова участь настоящего творца.

«Йог» Глава 1. Ловушка мышления

Сергей сидит в позе уже двадцать минут. Ноги скрещены. Позвоночник вытянут в струну. Кончики пальцев на коленях сложены. На лице маска невозмутимости. Если бы кто-то заглянул сейчас в комнату, то увидел бы классическую картинку с обложки журнала «Йога для всех и каждого». Просветление. Гармония. Супраментальная сила.

В голове у Сергея происходит то, чего нет ни в одном учебнике по йоге.

— Биение сердца. Тук-тук. Я это чувствую. Слышу в ушах, висках и подушечках пальцев. Оно бьётся. Но... сейчас? Сердце бьётся само по себе или я хозяин своего тела?

Сергей пытается вернуться к дыханию. Вдох на счёт четыре. Задержка. Выдох на счёт шесть. Между вдохом и выдохом пролетает мысль словно озарение:

«Если я сейчас возьму и подумаю сокращайся, оно сократится? Значит, я могу! А если я перестану думать? Оно остановится? Нет! Оно же остановится».

Глаз под сомкнутым веком начинает дёргаться. Левое веко тоже. Сергей пытается не обращать на это внимания, но пальцы на коленях сами собой сжимаются.

— Нет, — шепчет он одними губами. — Это не медитация, а западня какая-то.

Он раскрывает глаза. В них паника, которую он пытается замаскировать. Сергей хватается за грудь и нащупывает частый рваный пульс. Он совсем не такой, каким должен быть у человека, который только что сидел и медитировал.

— Ловушка!

Он встаёт, потирает затёкшие лодыжки и начинает ходить по комнате, сжимая голову руками. Коврик под ним кажется теперь не островком спокойствия, а раскалённой сковородой.

— Я должен научиться его контролировать, — бормочет он себе под нос, сверяясь с часами на руке. — Высшее достижение пранаямы, это управление пульсом! Об этом пишут все гуру. Но если я возьму контроль в свои руки... И не смогу его контролировать, потому что боюсь, что перестану его контролировать.

Он садится обратно в позу, пытаясь медитировать. Тишина. Маятник раскачивается всё сильнее. Через десять секунд он снова открывает глаза. В них уже не паника, а одержимость.

— Нет! Это же классическая ловушка мышления. Коан! — восклицает он, обращаясь к пустой комнате. — Настоящий дзэнский коан! «Как хлопок одной ладони?» «Как контролировать сердце, если оно контролирует тебя?» Чтобы его решить, надо мыслить шире и глубже.

Сергей мечется по комнате, перебирая в памяти всё, что читал о коанах. В голове всплывает тот самый знаменитый коан про яблоко. Как-то на семинаре Борис задал его группе. Тогда все молчали, а Сергей ляпнул: «Разрезать яблоко пополам». Борис посмотрел на него с таким сочувствием, что Сергею захотелось провалиться сквозь землю. «Семечка уже внутри яблока, — сказал тогда Борис с лёгкой улыбкой. — Не надо его разрушать».

Тогда Сергей не понял а теперь, стоя посреди комнаты с бешено колотящимся сердцем, он чувствовал, что раскрыл секрет коана.

— Семечка внутри, — шепчет он. — Яблоко раскрывает. Моё сердце. Если я буду пытаться контролировать его биение, то убью и сердце и себя.

Он останавливается. В голове ясность, но ненадолго.

— Не хватает Бориса... Он знает про коаны всё!

Борис сидит на жёсткой табуретке у окна спиной к подоконнику. В горшке рядом растёт кактус. Символ аскезы. Колючий. Выносливый. Поливать нужно всего лишь раз в месяц. Борис пьёт зелёный чай из глиняной чашки без ручки, чтобы ничто не отвлекало от ощущения тепла, перетекающего в пальцы. В комнате пахнет сушёными травами и старыми книгами в переплёте из кожи.

У него лицо спокойного человека, давно решившего все внутренние конфликты. Теперь он лишь консультирует тех, кто ещё пытается встать на путь истинный. Когда телефон начинает вибрировать на столе, Борис не спешит. Он дожидается конца гудка, делает последний глоток чая и только потом отвечает. Используется исключительно громкая связь, чтобы снизить влияние радиации.

— Слушаю, — спокойно отвечает он. — У тебя потерянный голос. Что случилось?

Сергей дышит словно бежал марафон:

— Борис, вопрос жизни и смерти. Я понял, что не могу контролировать сердцебиение, потому что если я возьму его под контроль, то оно может остановиться. Как мне вырваться из этой ловушки мышления? Могу ли я начать его контролировать, чтобы не убить себя?

Борис молчит. Он смотрит на кактус. Простого ответа на этот вопрос нет. Тогда он подносит чашку ко рту, хотя она уже пуста, и делает долгую паузу.

— Хм, — наконец произносит он. — В древних учениях говорится, что тот, кто управляет пульсом, управляет вселенной. Но также разумно заметить что тот, кто слишком резко управляет пульсом, попадает в реанимацию.

— Я так и знал! Это смертельно опасно! — в голосе Сергея слышно торжество обречённого.

— Я не сказал, что это смертельно, — поправляет Борис, почёсывая седую щетину. — Я сказал, что это... возможно. Приезжай! Обсудим этот вопрос.

Через сорок минут они сидят друг напротив друга на ковриках. Между ними стоит свеча. Комната Бориса — это пространство, где время течёт иначе. Шторы задвинуты. На стенах висят чётки и мандалы. Слышно, как в углу тикают настенные часы с кукушкой. Кукушка всегда молчит. Борис вынул её за ненадобностью.

Сергей делится мыслью:

— Я вспомнил твой коан про яблоко. Тот, что ты говорил на семинаре. Я тогда не вдуплил, а сейчас понял, что яблоко не надо резать, чтобы достать семечку. Оно само вырастет. Но как это связано с сердцем? Я не могу ждать, пока оно само... Остановится?

Борис поднимает указательный палец.

— Коан про яблоко — это о доверии. Семечка не просто внутри яблока. Она и есть яблоко в его становлении. Ты хочешь получить контроль из сердца, но контроль в другом. Ты его не замечаешь, потому что он в биении.

— Как хлопок одной ладони? — вдруг тихо спрашивает Сергей.

Борис улыбается уголком рта.

— Вот. Это уже другой коан. Тот, который мы разбирали три года назад, пока ты не начал кричать, что это издевательство. Помнишь?

Сергей закрывает глаза. Он всё отлично помнит. Впервые он услышал этот коан от Бориса, когда пришёл с вопросом: «Как перестать думать во время медитации?» Борис тогда сказал: «Если хлопок — это звук двух ладоней, то как звучит одна ладонь?» Сергей пытался понять, хлопал одной рукой по столу, колену и лбу. Он думал, что это шлепок или треск сустава, но Борис лишь качал головой и повторял: «Не то».

— Я тогда решил, что ответ в тишине, — ответил Сергей, открывая глаза.

— И ты близок, — кивнул Борис. — Но тишина — это не отсутствие звука, а пространство, в котором звук может возникнуть. Одна ладонь не хлопает, а ждёт. В её молчании сосредоточен потенциал хлопка. Ты же пытаешься заставить сердце биться так, как ты хочешь. Надо сначала понять, как оно работает без твоего вмешательства.

Сергей смотрит на свои руки. Потом на грудь.

— То есть... чтобы взять контроль, я должен перестать контролировать?

— Сложнее, — Борис подаётся вперёд. — Ты должен замедлиться настолько, чтобы услышать не просто тук-тук, а то, что между ударами.

— Между ударами?

— Пауза. Тот самый хлопок одной ладони. Если ты сможешь поймать паузу, то поймёшь, что сердце не нуждается в твоём указе. Оно само и есть ты. Но чтобы это почувствовать, нужно его замедлить.

В комнате тишина. Часы с кукушкой, лишённые птицы, продолжают тикать, отмеряя удары, похожие на сердечные.

Сергей медленно выдыхает:

— Замедлить. Мы можем попробовать замедлить биение.

Борис достаёт с полки старый, потрёпанный экземпляр Хатха йога и открывает его на закладке.

— Здесь есть техника кевала-кумбхаки, когда задержка дыхания становится спонтанной, но мы пойдём другим путём и попробуем метод «свидетеля». Ты не будешь командовать сердцем, а станешь наблюдать за ним настолько медленно, чтобы между двумя ударами вместились вечность.

Они смотрят друг на друга. В глазах Сергея читается решимость, смешанная с животным страхом. В глазах Бориса отражается спокойствие, за которым прячется лёгкое сомнение, не заведёт ли их эта тропа в ещё более глубокие дебри.

— Начнём? — спрашивает Сергей.

Борис кивает, поджигая палочку сандала, и тонкая струйка дыма тянется к потолку.

— Замедлимся, — говорит он. — И посмотрим, что останется, когда исчезнет страх.

Свеча дрожит. Часы продолжают тикать. Им обоим предстоит найти суть, в которой скрыт ответ.

Глава 2. Расширение сознания

Комната. Сергей и Борис в глубокой медитации. Свеча между ними догорела уже до половины. Воск растёкся по блюдцу причудливой формой, напоминающей сидящего Будду с отвалившейся головой. На полу стоят чашки с уже остывшим чаем. Рядом лежат раскрытые книги и распечатки с форумов, где никто так и не смог внятно объяснить, что такое «кундалини на карантине».

Сергей расположился на своём коврикe. Ноги затекли, но он не смеет их вытянуть. Поза лотоса стала символом его стойкости. Сдавать позиции он не намерен. Борис напоминает статую китайского мудреца, периодически почёсывающего затылок костяной иглой для акупунктуры, которую носит за ухом на всякий случай.

— Я попробовал метод визуализации, — срывающимся голосом начинает Сергей. — Представил, что моё сердце — это насос, а я главный инженер на станции. Мысленно нажал на «ускорить».

Борис, не открывая глаз, поднимает бровь:

— И?

— Оно ускорилося! — Сергей всплещкивает руками. — Я испугался, что сейчас будет тахикардия, мысленно нажал на «стоп» и пропустил удар.

— Пропустил? — Борис приоткрыл один глаз.

— Я почувствовал пустоту. Как когда в лифте резко останавливаешься, а желудок ещё едет. Мысленно написал прощальное сообщение маме: «Я достиг контроля и теперь меня нет», но потом оно снова стукнуло. Я потерял контроль и оно снова заработало само.

Борис открыл оба глаза, выдержал паузу, достойную настоящего гуру, и кивнул с видом профессора, который только что поставил двойку, но не хочет расстраивать студента.

— Классическая ошибка новичка, — изрёк он. — Ты пытаешься управлять через насилие. Нужно быть гибче как бамбук.

Сергей моргнул:

— Бамбук?

— Именно, — Борис поднял вверх палец. — В древнем трактате «Беседы с бамбуком» который написал один пьяный монах говорится, что бамбук растёт не потому, что его толкают, а потому, что внутри него пустота. Ты пытаешься толкать пустоту. Тщетно! Лучше идти через наблюдение. Я вчера попробовал метод «свидетеля».

Сергей пододвинулся ближе, чуть не опрокинув свечу:

— И как?

Борис медленно поднёс руку к груди, закрывая глаза. Лицо его приняло выражение глубочайшего сосредоточения, какое бывает у человека, который пытается вспомнить, выключил ли он утюг, уезжая в отпуск.

— Я отделил сознание, — сказал он встревоженным голосом. — Посмотрел на своё сердце со стороны и сказал ему: «Бейся». Оно начало биться, тогда я сказал: «Не бейся».

Борис замолчал. Стало слышно, как где-то за стеной сосед сверлит стену. Тот самый звук, который в этом контексте казался зловещим символом вторжения в чужое тело.

— Ну?! — не выдержал Сергей.

Борис открыл глаза. Он бледнее обычного. На лбу выступила испарина.

— Оно не слушается и продолжает биться. Это иллюзия контроля. Провал. Я не могу его даже замедлить.

— Иллюзия контроля? — переспросил Сергей с подозрением.

— Да! Представь, что ты стоишь на сцене перед тысячей учеников, открываешь рот, а оттуда вылетает не мудрость, а карканье вороны. Вот такое чувство.

Сергей сделал глоток холодного чая и слегка поморщился.

— То есть, ты не смог установить контроль, а я боюсь его завершить. Мы оба в тупике.

— Нет, — Борис вдруг выпрямился. В его глазах загорелся нездоровый блеск. — Мы в самом начале пути. Нам нужно мыслить глубже и шире.

Он встал, подошёл к стеллажу и провёл пальцем по корешкам книг, бормоча себе под нос: «Не то, не то, это вообще про пищеварение». Наконец, он вытащил тонкую брошюру в самодельном переплёте с надписью тушью от руки на обложке: «Коаны, которые меня окончательно сломали. Личный дневник».

— Смотри, — сказал Борис, присаживаясь обратно и раскрывая брошюру. — Вот классический коан, который мы с тобой разбирали: «Как хлопок одной ладони?» Помнишь, сколько вариантов мы перебрали?

Сергей закатил глаза:

— О, дай вспомнить. Я предлагал с десяток точно. Звук ломаемой ветки, падающей капли...

— Тишину, — перебил Борис. — Ты предлагал тишину. И это было близко к истине, но потом я нашёл вот что.

Он тыкнул пальцем в разворот, где мелким почерком написана целая история.

— Один ученик спросил у мастера: «Мастер, как звучит одна ладонь?» Мастер ударил его по лицу. Ученик обиделся и ушёл. Через три года он вернулся и сказал: «Я понял. Одна ладонь звучит как пощёчина. Потому что пощёчину можно дать и одной рукой». Мастер посмотрел на него и сказал: «Нет. Ты всё ещё мыслишь категориями. Иди медитируй на пустую миску». Ученик пошёл, сел перед миской, смотрел на неё три дня и на четвёртый закричал: «Понял! Одна ладонь — это отсутствие второй!» Мастер сказал: «Хорошо! Теперь ты можешь мыть посуду».

Сергей посмотрел на Бориса с выражением лица человека, который только что понял, что купил подписку на год в спортзал, и больше никогда туда не пойдёт.

— И какой из этого вывод? — осторожно спросил он.

— Вывод простой, — Борис захлопнул брошюру. — Ожидание — это тоже действие. Когда ждёшь удара, то мышцы напрягаются и пульс учащается. Ты уже реагируешь. А если не ждёшь удара? Что тогда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.